

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РЕЙФИЛД ДОНАЛЬД. ЖИЗНЬ АНТОНА ЧЕХОВА / пер. с англ. О. Макаровой; испр. и доп. изд. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 896 с.

Рецензия на книгу о Чехове британского литературоведа Дональда Рейфилда, написанную с целью создания максимально точного портрета писателя в окружении членов его семьи, близких и любивших его. Пристальное внимание к жизни Чехова, быту тех времен сопровождается введением большого количества архивных материалов, обнародованных впервые.

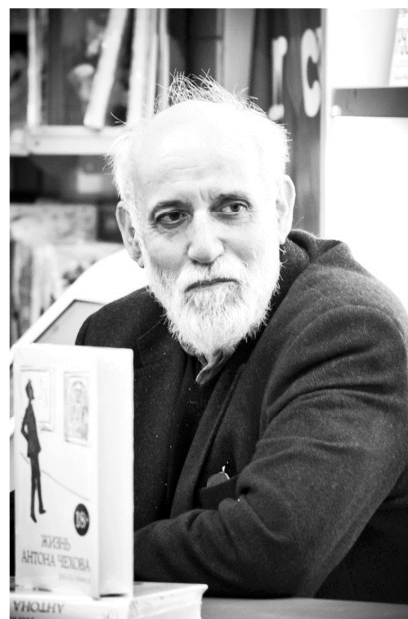
Дональд Рейфилд, Антон Чехов, жизнеописание, водевиль.

Книга была издана на английском в 1997, затем в 2018. На русском в переводе Ольги Макаровой она выходила в 2005, 2007, 2014. Данное издание – исправленное и дополненное. Ключ к прочтению задан эпиграфом. В стихотворении Ивана Бунина «Художник» (1908) нарисована картина сада в Ялте («За новым белым домом Хребет Яйлы...») – и совсем уже больной Чехов: хребет «и близок, и тяжел»... Светлая печаль пронизывает стихотворение: «Он, улыбаясь, думает о том, Как будут выносить его...», «Он снял пенсне и думает, перхая: “Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль”». Водевильность и определила атмосферу 896-страничной книги.

Эпиграфом к предисловию Дональда Рейфилда стала выдержка из письма П.В. Быкова М.П. Чеховой от 7 апреля 1910 г.: «Антон Павлович, как-то обедая у меня, сказал, что “со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему стыдиться нечего”» (с. 11). По мере чтения возвращаешься к этой мысли. Что значит «вещи»? Подготовленное к публикации? Частная корреспонденция? Когда Чехов умер, А. Суворин – при всем его горе – успевал позаботиться о многом: об отправке вагона-рефрижератора с телом в Москву, о панихиде и прочем, включая изъятие своих откровенных писем из чеховского архива. Рейфилд упоминает, как Суворину дважды приходится посылать Александра Чехова в Ялту «выручать» письма. Приходили ли остальным в голову мысль о возможности публикации их частных писем? В книге упомянуто, что Левитан послал друзьям и знакомым записки с просьбой по смерти все его письма сжечь. Мария Чехова последнюю волю друга исполнила, Антон – нет.

В предисловии подчеркнуто, что Чехов ревностно охранял от публики свою частную жизнь и – скрупулезно собирал буквально все клочки бумаги, включая письма, счета, расписки, имевшие отношение к нему и семье. Каждый год в Рождество он раскладывал по папкам переписку. Заботился о будущих читателях и исследователях? Думал о еще одном возможном ис-

точнике дохода для материального благополучия семьи?

Дональд Рейфилд

Мария Чехова, посвятившая жизнь заботе о брате и его наследии, опубликовала с купюрами переписку и посвященные Антону воспоминания.

Как относиться к купюрам? Рейфилд вспоминает советскую традицию избегания «дискредитации и опошления» образа писателя. Для него это формулировка из постановления Политбюро ЦК КПСС, и с ней он связывает сомнения российских ученых в необходимости предъявления публике чеховских архивов во всей их полноте (с. 14). У традиции, конечно, – гораздо более глубокие корни. Вспомним, например, как в сентябре 2013 г. пресса привлекала внимание к выпуску собрания сочинений Пушкина

московским издательством «Слово/Slovo». Высокое качество издания тиражом 300 экземпляров говорило о подарочном характере, но главной особенностью 11-томника стало то, что последние три тома впервые с 1911 г. были опубликованы в полном виде (переписка поэта). В 1911 г. по специальному распоряжению Императорской академии наук три тома переписки 1815–1837 гг. были изданы в двух вариантах: 10 комплектов – без купюр, остальные – с купюрами и многоточиями на месте «неприличных» слов и выражений. Для кого предназначались 10 «непричесанных» комплектов Пушкина, безусловно, любившего «крепкое слово» «живого языка»? Для избранных академиков.

Цензурно-охранительный характер издания чеховских писем нарушил Дональд Рейфилд (род. 1942, Оксфорд), почетный профессор русской и грузинской литератур Колледжа королевы Марии Лондонского университета. Говоря о чеховских биографиях (Е. Симмонза, Р. Хингли, А. Труайя, М. Громова, В. Притчета), Рейфилд отметил использование в них примерно одного и того же круга источников: «На сегодняшний день опубликовано около пяти тысяч писем Чехова, причем иные из них – с безжалостными купюрами» (с. 13). Рейфилда влекли не введенные в оборот источники. Зная, что в архивах, и прежде всего в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранится около 7 тысяч писем, адресованных Чехову, и примерно половина из них никогда не упоминалась в печати (особенно касающаяся частной жизни писателя), Рейфилд три года провел в поисках документов, их расшифровке и осмыслении. Будучи уверенным в том, что «ничто в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опозлить Чехова», он надеялся на обратный результат: «...сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки» (с. 14).

Свое понимание Чехова Рейфилд отражает в первом же абзаце предисловия: «Мы знаем Антона Чехова как отца-основателя современного театра, в котором главенствует драматург, а не актер. Мы также признаем, что он внес в европейскую художественную прозу по-новому осмысленную неоднозначность, плотность текста и тонкую поэтичность. Из всех русских классиков он наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, – как в книгах, так и на сцене. Он оставляет за читателем или зрителем право реагировать, как им заблагорассудится, и делать собственные выводы. Он не навязывает никакой философии. Однако Чехов столь же доступен, сколь и неуловим. Понять, что он “имел в виду”, совсем непросто, – так редко он раздает оценки или что-либо объясняет» (с. 11).

Пользуясь этой неоднозначностью и неуловимостью, Рейфилд предлагает свою версию жизни Чехова. Название книги «Anton Chekhov: A Life» подчеркивает, что автора интересует, прежде всего, жизнь – не творчество. На английском обращаешь внимание на неопределенный артикль (ожидаешь The Life) с его отсутствием дефинитивности. В предисловии Рейфилд отмечает: «Любая биография – это вымысел, который тем не менее должен быть увязан с докумен-

тальными данными» (с. 12). Попавшие в его распоряжение источники позволили ему по-иному увидеть и показать Чехова. Он оговаривает, что, если бы удалось найти сотни писем Суворина к Чехову, чеховскую жизнь и российскую историю (Суворин слишком много знал и многое поверял Чехову) можно было бы переписать заново (с. 15).

В книге 10 частей. Они хронологичны и при этом концептуальны. Первая часть «Отец человек» глубоко погружает в проблемы семьи. Павел Егорович Чехов – колоритная фигура. В начале книги содрогаешься от приводимых фактов, например, в рассказе о нем как о лавочнике: «...он, например, уверял сыновей, что мухи очищают воздух. Однажды в бочке с оливковым маслом обнаружил дохлую крысу. Замолчать это происшествие ему не позволила честность, а вылить масло – жадность, к тому же ему очень не хотелось возиться с маслом – процеживать и кипятить его. Тогда он решил пропавший товар освятить, и отец Федор Покровский отслужил в лавке молебен» (с. 47). Постепенно привыкаешь воспринимать все легче – в водевильном ключе. Понимая, что представляет из себя отец семейства, улыбаешься, читая: «На Масленицу Павел Егорович зорко следил за гостями: “Дроздова съела 10 блинов, Коля 6, Маша 4 блина”» (с. 616).

Зримость, обусловленная документальностью, в сочетании с интересной концепцией каждой из глав (Доктор Чехов, Сторож брату своему, Годы странствий, Цинциннат, Беглянка Лика, Полет «Чайки», Цветущие кладбища, Тройной успех, Любовь и смерть) способны заинтриговать читателя. В книге приведено огромное количество фактов – приглядных и неприглядных. Интересны комментарии англичанина там, где мы обыкновенно уважительно замолкаем. В продолжение известной цитаты из письма Чехова Суворину о выдавливании из себя по каплям раба, Рейфилд отмечает: «Однако рабская кровь все еще текла в жилах братьев Чеховых. Александр был невольником “Нового времени”, Ваня привязан к своему учительскому месту, Миша, кончавший университет, собирался надеть на себя хомут податного инспектора, Коля впал в полную зависимость от наркотиков и алкоголя. Свободу обрел, похоже, лишь Антон» (с. 265).

Самое пристальное внимание уделяется семье, друзьям, поклонницам (Мария придумала называть многочисленных подруг брата «антоновками»), слабострастию, болезням. Узнаешь много подробностей – бытовых, финансовых, эротических, медицинских. При этом со словами из аннотации к книге согласиться не можешь: «Уникальное по своей масштабности биографическое исследование представляет собой исчерпывающее жизнеописание Антона Павловича Чехова» (с. 4). Новые источники предьявлены, купюры устранены, но исчерпывающим исследование не становится. Количество не переходит в качество. Без тонких интуиций автора жизнеописания сам по себе «материал» не способен исчерпать неуловимого Чехова.

Оставляя смешные комментарии, например «Спал Антон в Ялте хорошо (хоть и один)...» (с. 434), Рейфилд хранит молчание по более серьезным поводам,

где действительно хотелось бы услышать мнение специалиста. Голословно или справедливо замечание Левитана из письма Чехову? – «Я склонен думать, что эта твоя лихорадка есть лихорадка самовлюбленности – твоей хронической болезни!» (с. 693).

Странный монтаж предложений сначала вызывал мое недоумение, потом – смех: «Париж, как и Сахалин, помог Чехову укрепить политическое самосознание. Тем временем Суворину захотелось привезти из

Парижа собственный бюст, и, пока скульптор трудился над ним, Антон с Дофином бродили по кафешантанам и созерцали обнаженных женщин» (с. 343). «Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль». При этом ты никак не можешь избавиться от ощущения «Боже, как грустна наша Россия!» Неудержимо тянет перечитать самого Чехова и воспоминания о нем того же близкого ему Бунина с их не «водевильным» восприятием «До самой смерти росла душа его...».

L.V. Egorova

**BOOK REVIEW: RAYFIELD DONALD. ANTON CHEKHOV: A LIFE /
Trans. by O. Makarova. M., 2020. 896 p.**

Review of the book «Anton Chekhov: A Life» written by Donald Rayfield in order to create the most complete portrait of the writer surrounded by the members of his family and those who loved him. It is a very attentive look at Chekhov's life and his epoch. Rayfield introduced a large number of previously unpublished materials from the archives.

Donald Rayfield, Anton Chekhov, biography, vaudeville.